

ИГОРЬ МАРКОВ

**Любовь и вера
Надежды
Гречихиной**

16+

Игорь Марков

Любовь и вера
Надежды Гречихиной

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Марков И. В.

Любовь и вера Надежды Гречихиной / И. В. Марков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Рассказ про женщину, которая верила, искала и, наконец, встретила свою любовь.

По понедельникам нас водили в баню. Согласен – не самый удобный для помывки день. Испокон веков русские люди предпочитали париться в банях по субботам, а накануне Пасхи ещё и в четверг, памятуя о том, как сам Христос мыл ноги апостолам перед Тайной вечерей. Но в нашей военной Академии собственной бани не было, и по договорённости с городскими властями в понедельник вечером, – когда все добропорядочные граждане ужинали и смотрели по телевизору выступление дорогого Леонида Ильича Брежнева о повышении надоев молока и выплавке чугуна, – курсантов допускали в общественную баню.

В старинном трёхэтажном здании из красного кирпича на Большой Пушкарской улице Петроградской стороны размещалось несколько отделений: мужское, женское, с парилками и без парилок, которые, кстати, по причине выходного дня у банно-прачечных тружеников обычно не работали. Самым весёлым и привлекательным считалось отделение «Мать и дитя». Оно отличалось от других тем, что в середине помывочного зала был сделан неглубокий, похожий на детскую песочницу, круглый бассейн с грибком, из шляпки которого, как из большого душа, лилась тёплая водичка.

В бане можно было не только помыться, но и постираться. Такая гигиеническая опция в академической казарме не предусматривалась. Казарма находилась в старом ленинградском доме, где, как и во всём квартале, даже через тридцать лет после победы над фашистами не было не только горячей воды, но и обычных ванных комнат. Большая стирка не требовалась: постельное и нижнее бельё нам организованно меняли каждую неделю, как раз по понедельникам – в банный день. А вот «хэ-бэ» или «пэ-ша» периодически требовалось освежить.

Всезнающий интернет, с помощью которого, я проверяю некоторые слова для этого рассказа, при вводе «хб» показывает ссылки на что угодно, только не на хлопчатобумажную ткань, из которой шили (и может быть и сейчас продолжают шить) верхнюю одежду – куртку и брюки для военнослужащих срочной службы. Курсантам военных училищ, кроме того, зимой выдавали полушерстяную форму – «пш».

Но не буду больше говорить о бане и о проблемах жилищно-коммунального хозяйства в городе трёх революций – мой рассказ совсем не об этом, а как раз наоборот – о любви и вере. Вере в коммунистическое будущее человечества, когда у всех людей будет персональная ванна; и любви к человеку, который всё это затеял – Владимиру Ильичу Ленину.

Над символом этой любви и веры я грубо надругался в тот промозглый октябрьский вечер 1976-го года. Извиняет меня только то, что надругательство было непреднамеренным и, я бы даже сказал, случайным...

Я выстирал партийный билет, а точнее – кандидатскую карточку.

Для тех, кто не знает, поясню. Чтобы стать членом КПСС, надо сначала пройти кандидатский стаж – один год. Кандидату выдавали книжечку в серой коленкоровой обложке, куда клеивалась фотография, и секретарь партийной организации каждый месяц расписывался за приём членских взносов и ставил печать «Уплачено КПСС». Этот партийный документ вместе с военным билетом полагалось всегда носить при себе. Для чего на внутренней стороне куртки «пш» имелись два потайных кармана. Именно такую куртку я решил постирать в тот злополучный понедельник. Как вы уже, наверное, догадались, перед стиркой военный билет из одного кармана я вынул, а кандидатскую карточку в другом – забыл.

Процедура стирки не отличалась сложностью: наливаешь в тазик горячей воды, растворяешь кусок хозяйственного мыла и замачиваешь пропотевшую одежду. Пока сам моешься, химическая реакция идёт своим чередом – щелочной раствор разлагает потожировые отложения. Остаётся только прополоскать ткань под душем и отжать. Сушить и гладить можно уже в казарме. Чтобы не тащить из бани лишнюю воду, плотную куртку надо хорошенько выкрутить, лучше вдвоём. Посильную помощь мне оказал Федя Глазков. Выражаясь боксёрской термином –

логией, Федя находился в весовой категории мухи, но руки имел сильные с длинными цепкими пальцами. Он-то первым и нащупал твёрдую картонку в складках мокрой ткани.

«Ну всё, конец», – подумал я, доставая из кармана скрученную трубкой серую книжицу. Но это был ещё не конец, а примерно середина нашей истории.

А началась она в такой же промозглый октябрь, но двенадцатью годами раньше.

Я не помню дня недели, но для моего 1-го “А” класса это был праздник – нас принимали в октябрюта.

Процедура приёма проходила в рекреации. Так у нас назывался широкий школьный коридор. Первое правило, которое внушали первокласснику, гласило: «Никогда не бегать по рекреации». В третьем классе мы осваивали обязанности «дежурного по рекреации», и уже сами вдалбливали (в основном при помощи щелбанов) это правило новичкам. Четвёртый класс допускался к натиранию полов в рекреации – самому весёлому занятию, может быть, за всю школьную жизнь.

В день натирки полов в школу приходил профессиональный полотёр. Он мазал паркет жёлтой мастикой, растирал щёткой и удалялся для отдыха в раздевалку спортзала, где вдали от посторонних глаз выпивал первую порцию принесённого с собой алкоголя, как он нам объяснял: «принимал на грудь для бодрости». Рабочий костюм полотёра состоял из синих тренировочных штанов с вытянутыми коленками, зелёной офицерской рубашки и серого засаленного пиджака с оттопыренными карманами. На лацкане пиджака блеснул серебряный значок – маленькие боксёрские перчатки, соединённые пластинкой. На пластинке было что-то написано. Полотёр разрешал потрогать перчатки, они были тяжёленькие, и объяснял, что это награда за победу в чемпионате Московской области, но мы ему не верили. Пока он отдыхал, приняв очередную порцию, мы наводили финишный блеск, катаясь по паркету на больших кусках шинельного сукна, которого у жителей военного городка всегда было в избытке. Но до знакомства с полотёром-боксёром было ещё далеко...

Сегодня мы стояли в белых рубашках, бантах и передниках на блестящем паркете, выстроившись в линейку по росту: девочки на правом фланге, а мальчики на левом.

Коммунисты, много лет руководившие Советским Союзом и несколькими другими странами социалистического содружества, свято верили в непогрешимость некоторых научных теорий. Теория эволюции в живой природе была одной из важнейших. Согласно этой теории, каждый советский человек, начиная с самого детства, должен был пройти ряд партийных эволюционных преобразований. Как из икры появляется головастик, из головастика – лягушка, а из лягушки – царевна, так из простого школьника на первом этапе получался октябрёнок – внучонок Ильича.

– Поздравляю. Ты теперь не просто мальчик, школьник. Ты октябрёнок, – сказала мне большая девочка-пионерка и приколола на карман пиджака красную пластмассовую звёздочку с кудрявой головой маленького Ленина. – Как тебя зовут?

– Илюша, – ответил я.

– Это значит Илья?

– Да. Илья Муравьёв.

– Какое прекрасное имя и фамилия. А знаешь почему?

Я пожал плечами.

– Папу дедушки Ленина звали Илья. Илья Николаевич Ульянов. Он был учителем. Я люблю дедушку Ленина. А ты?

Я кивнул. Никто меня об этом ещё так прямо не спрашивал, но я знал, что дедушку Ленина надо любить и нельзя обманывать. «Ниточка, иголочка, красная звезда. Ленина и Сталина обманывать нельзя», – говорилось в детской считалке. Но октябрюта образца 1964 года уже знали, что Ленина – нельзя, а Сталина – всё-таки можно.

– Ты был в Мавзолее? – спросила девочка.

– Нет.

– Обязательно попроси родителей, чтобы тебя туда отвели. Там Владимир Ильич лежит в хрустальном гробу. Он мёртвый, но забальзамированный... Мне его так жалко... Плакать хочется... Но нельзя. Нельзя свою слабость иностранцам показывать. Там знаешь сколько всяких иностранцев? И все приехали на Ленина посмотреть. Его все любят. И я люблю. И ты его всегда-всегда люби. Без него ничего бы не было, и нас бы с тобой не было... Сечёшь?

Я промолчал, пытаюсь понять, о чём это она...

– А про свою фамилию ты что знаешь? – не дожидаясь моего ответа спросила девочка.

– Муравьёв, – повторил я.

– Я уже слышала, что Муравьёв. А знаешь, кто такой был Муравьёв? Это был декабрист. Он хотел царя убить, ещё раньше Ленина. А царь его за это повесил. Вот ведь гад! Правда?

Я кивнул. Царь, как и Сталин, а также и Гитлер, были в моей иерархии ценностей плохими гадами и, однозначно, подлежали ликвидации.

– Я буду в вашем классе вожатой, – продолжала она. – Буду к вам приходить и заниматься с вами. Помогать отстающим делать уроки. Я хочу стать учительницей. А ты хочешь быть учителем, как папа Ленина?

Я замотал головой. Я не хотел быть учителем. Я хотел стать пожарным. И не просто пожарным. Я хотел стать военным пожарным, как те солдаты, которые иногда останавливали свою красную машину около магазина и разрешали посидеть в кабине, пока один из них ходил за сигаретами.

– Пионеры! – раздался голос учительницы. – Все приколоты звёздочки октябрятам? Отойдите на два шага назад... Подравняйтесь по линейке... Внимание... К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!

– Всегда готовы! – хором ответили пионеры и поднесли к голове правую руку, отдавая салют.

Так я в первый раз увидел Надю Гречихину. Она была в парадной пионерской форме: синей юбке в складочку и белой блузке. Вокруг шеи красный пионерский галстук, а на голове синяя пилотка, из-под которой торчали белые капроновые банты. Она показалась мне очень взрослой и красивой.

– Твоя Надька – дура, – разрушил моё первое романтическое впечатление Павлик, когда мы шли после школы домой.

– Она не моя, – возразил я.

– Ну она же тебе звёздочку прикалывала. Я видел. Я её брата знаю, он во втором классе учится. А он говорит, что Надька – дура. Она на своём Ленине жениться хочет...

– Ну и пусть женится... – сказал я. – Мне то что?

И мы пошли дальше, разбивая каблуками ботинок первый тонкий лёд на подмосковных лужах.

В четвёртом классе нас принимали в пионеры.

Приняли всех. Даже двоечника Сёмина. Хотя наша учительница, Агриппина Васильевна, пугала, что его не примут. А Сёмин оказался таким активным пионером, что даже майских жуков приходил ловить в пионерском галстуке. Потом, в старших классах, он стал чемпионом области по лыжам, и его забрали в спецшколу для одарённых спортсменов. Больше я о нём ничего не слышал. Наверное, его спортивный талант оказался недостаточно большим, чтобы показывать по телевизору.

Торжественное мероприятие проводили на сцене ГДО (гарнизонного дома офицеров). В глубине сцены на тумбочке стояла большая белая гипсовая голова Ленина. Её освещали несколько дополнительных лампочек. Старшие товарищи говорили пламенные речи о том, что

мы уже не октябрята – внучата Ильича, а пионеры – будущие комсомольцы. Родственные связи с вождём при этом, вероятно, обрывались.

Нас выстроили по категориям. Сначала – отличники и октябрятские активисты, а за ними все остальные. Передовикам галстуки повязывали почётные гости, а остальным внучатам – комсомольцы из старших классов.

– Здравствуй, Илья, а я тебя помню, – сказала девочка в белом парадном фартуке.

Надя Гречихина сильно изменилась. Она оказалась на голову выше меня. И первое, что я увидел, когда она подошла вплотную, был маленький значок в форме красного знамени с золотистым профилем Ленина и буквами ВЛКСМ. Значок висел на белой лямке, плавно обтекавшей уже сформированную девичью грудь.

Вспоминая этот момент партийной эволюции – переход от головастика к лягушонку, – мне захотелось добавить в печатный текст своего рассказа немного эротизма, для остроты, но, подумав, я решил этого не делать: в десятилетнем возрасте меня нисколько не волновала внешность девчонок, тем более старшекласниц.

Я стоял ровно, глядя перед собой. На согнутой в локте руке концами вниз висел старательно выглаженный пионерский галстук. Надя взяла его, перекинула, как косынку, через мою голову и завязала на шее красивым узлом.

– Ну вот, – сказала она, расправляя уголки красной ткани поверх белой рубашки, – теперь ты настоящий пионер. Будешь помогать комсомольцам строить коммунизм и любить Владимира Ильича Ленина – вождя всех рабочих и крестьян во всём мире.

Она ещё раз поправила концы галстука на моей груди. Это было невыносимо.

«А вдруг она заметила? – подумал я. – Чего она там всё разглаживает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.